

Сяо Ципин уже собирался заговорить, как вдруг со стороны дворцового павильона примчался евнух.

Задыхаясь и едва переводя дух, тот рухнул на колени перед ступенями и выкрикнул почти сорвавшимся голосом: «Ваше Величество! Ваше Величество, беда! Застава Яньмэнь пала! Главнокомандующий Гвардии доблестной кавалерии открыл ворота врагу, и теперь город Гуанъу потерян!»

Певцы и танцовщицы разом смолкли. Среди всеобщего потрясения Сяо Янь выронил из рук винный бокал — нефритовая чаша со звоном разбилась о пол.

«Что?! Как он посмел?!» — воскликнул он, не веря своим ушам.

Сяо Цичэнь резко вскочил, кровь ударила в голову, отчего он пошатнулся и едва не упал: «А Янь не мог так поступить, отец! Здесь какая-то ошибка!»

«Дальше отступить нельзя!» — Су Янь стёр с лица запёкшуюся кровь, и в его зрачках отразилось трепещущее пламя. «Застава Яньмэнь — наш последний рубеж. Даже если мы заманим врага на восток, здесь мы должны стоять насмерть!»

«Молодой маркиз, трусливый начальник округа уже сбежал. Наверное, при дворе уже решили, будто мы сдали заставу», — с презрением произнёс Янь Наньду. «Если бы не тот дурацкий приказ... пограничная армия Бинчжоу не разбежалась бы так быстро! Обычно отсиживаются в тылу, а бежать — первые!»

«Хватит!» — оборвал его Су Янь.

Они укрылись в городской таверне Гуанъу. Ещё полмесяца назад лазутчики Цзинь И доложили о подходе Хуянь Ту к Заставе Яньмэнь. Поскольку каган шёл лично, Су Янь немедленно приказал эвакуировать жителей Гуанъу, превратив земли в радиусе пятидесяти ли от заставы в пустынную зону, где не осталось никого, кроме отборных войск.

Хуянь Ту, нацелившийся на захват Заставы Яньмэнь, с первого же дня осады обрушил на Су Яня всю свою мощь.

Тот сдерживал натиск две недели, а несколько дней назад ему в голову пришла хитрость. Су Янь велел Шэнь Чэнцзюню совершить обходной манёвр за пределами города, оставив в Гуанъу пять тысяч человек, а остальные пограничные войска под началом Янь Наньду устроили засаду у городских стен.

План был таков: притвориться ослабевшими, впустить врага в Заставу Яньмэнь, а затем замкнуть кольцо окружения. Раз в Гуанъу не осталось мирных жителей, можно было бы уничтожить значительную часть сил Хуянь Ту и, возможно, даже взять в плен Ашину. Шэнь Чэнцзюнь поддержал эту затею, но на этапе Янь Наньду всё пошло наперекосяк.

Янь Наньду командовал пограничной армией Бинчжоу. Эти войска, как и армия Ючжоу, годами не видели столь жестоких сражений и попросту застоялись. На поле боя они бежали быстрее всех. Янь Наньду собственноручно казнил двух дезертиров, едва предотвратив полный разгром, но из-за этого «притворное» отступление едва не стало настоящим.

Начальник округа и военный губернатор Бинчжоу уже сбежали, крича на всех перекрёстках, будто Су Янь открыл ворота врагу, и слухи эти долетели напрямиком до Цзиньлина.

Су Янь с трудом сдерживал ярость, мысленно клянясь, что если эти двое посмеют вернуться, он лично снимет с них шкуру, а их головы выставит на большом знамени с иероглифом «Су» Гвардии доблестной кавалерии для всеобщего устрашения.

Так блистательный план победы обернулся сущим хаосом. Су Янь с огромным трудом соединился с силами Шэнь Чэнцзюня и, воспользовавшись незнанием тюрками городских улиц, в тяжёлых уличных боях едва достиг первоначальной цели.

Теперь же, не имея ни минуты на отдых, они втиснулись в маленькую таверну — лагерь на плацу превратился в руины, и за ними ещё предстояло прибраться Цзинь И, который, получив ранение, лежал поодаль, едва дыша.

«Хуянь Ту заметил, что часть наших отступила, и наверняка догадался о неразберихе в наших рядах. Боюсь, они атакуют снова, не дав нам передышки», — Су Янь отхлебнул воды и продолжил. «Сегодня ночью никто не спит. Дядя Цзинь, отдохни немного. Если рана обострится — отходи к Цзиньяну и держи оборону там. Брат Шэнь, займись, пожалуйста, плацем. Янь Нань, насчёт того огненного оружия, о котором ты говорил: если оно действительно, размести его у ворот».

Янь Наньду ехидно заметил: «А я думал, ты презираешь эти игрушки ремесленников?»

Су Янь и Шэнь Чэнцзюнь синхронно нахмурились. Янь Наньду тут же поднял руки в знак сдачи: «Сейчас же исполню».

Он вышел, и Шэнь Чэнцзюнь, уже собравшись вздохнуть спокойнее, вдруг вспомнил слова Су Яня и замер: «А Янь, ты только что сказал — заманить варваров на восток?»

«Да», — кивнул Су Янь. «На востоке — Ниньфу, а дальше — Ючжоу. Изначально я хотел увести их на запад, подальше от их ставки, чтобы они устали от долгого пути, а мы могли бы легко перебрасывать резервы. Но, увидев, что творят эти негодяи из Бинчжоу, понимаю — с Линчжоу будет не лучше. Чем полагаться на других, лучше вернуться на свою базу».

Гвардия доблестной кавалерии годами стояла у Заставы Юньмэнь и знала ту местность как свои пять пальцев.

Шэнь Чэнцзюнь с силой потер переносицу, но, не найдя в плане изъянов, сдался: «Но Заставу Яньмэнь всё равно нужно удерживать. Если основные силы уйдут, а Хуянь Ту разделит армию? Он уже делал так раньше».

«Я останусь в Яньмэне», — сказал Су Янь. «Дай мне три тысячи человек — и хватит. Ты веди войска к Заставе Юньмэнь».

Голос Шэнь Чэнцзюня сорвался: «Три тысячи...?!»

Су Янь, как и предполагал, оказался прав. В ту ночь воины Гвардии доблестной кавалерии, собрав волю в кулак, затаились за укрытиями по всему Гуаньфу. Не прошло и трёх ночных страж, как за стенами вспыхнули огни, и катапульты принялись швырять в крепость огромные камни.

Хуянь Ту, взбешённый после окружения двумя днями ранее, без всякого порядка обрушил на Заставу Яньмэнь всю свою ярость. Едва городские ворота с треском рухнули, он повёл свою железную конницу на штурм — и тут же угодил в ловушку с огненными механизмами, зарытыми в землю. Проход у Заставы Яньмэнь озарился ослепительным пламенем, превратив

ночь в день!

С крыши таверны Су Янь, прищурившись, наблюдал за отсветами пожара вдалеке, а затем, не раздумывая, спрыгнул вниз, точно приземлившись на спину Цзинфаня. Он натянул поводья и свистнул.

Со всех сторон из тёмных переулков выдвинулась кавалерия. Вдалеке Шэнь Чэнцзюнь выпустил сигнальную стрелу, чей свет мгновенно погас. Он вёл войска к Заставе Юньмэнь и больше не мог оказать поддержки.

Су Янь вдруг улыбнулся — улыбкой юноши, полного отваги, хотя на белом лезвии его меча ещё виднелись бурые подтёки засохшей крови.

Он вытащил из колчана стрелу: «Перед боем скажу прямо: кто хочет отступить — пусть уходит с Шэнь Чэнцзюнем сейчас. Но если кто струсит, когда мы пойдём рубить этих наглых варваров, — конец его будет таким же!»

И он одной рукой переломил стрелу пополам!

«Генерала нет, и я ваш командир», — Су Янь, несмотря на приближение врага, сохранял поразительную ясность ума. «Я знаю, о чём вы думаете. На поле боя важно понимать, за что сражаешься. Вы сражаетесь не за меня... На этом знамени — не только труд многих поколений семьи Су, но и вера самых отважных воинов всего Нань Ляна. Я вступил в армию в четырнадцать, прошёл через всё и знаю: страх, ужас, слабость... это естественно. Поэтому я требую одного — доверьте спину товарищу рядом. Верьте друг другу. Становой хребет армии — не главнокомандующий, а вы сами!»

Едва он замолчал, Цзинфань, словно по команде, рванул вперёд. Несколько ближайших всадников замерли в нерешительности, и вдруг один из них крикнул: «За страну! Мы клянёмся служить Нань Лян до последнего вздоха!»

Боевой клич потряс небеса. Янь Наньду, вздохнув, пришпорил коня, догоняя их, и подумал: «Молодой генерал-то как хорош. Поднимать дух солдат у него получается куда лучше, чем у главнокомандующего».

Та ночь прошла в кровавой сече до самого рассвета. Армия Нань Ляна одержала победу, захватив двух высокопоставленных тюркских военачальников и сотни простых воинов. Хотя Хуянь Ту сумел бежать, потери южан составили чуть более ста человек.

Тюрки отступили и двинулись к Заставе Юньмэнь, но там их уже ждали. Шэнь Чэнцзюнь, совершив форсированный марш, соединился с местным гарнизоном, привыкшим к стычкам с кочевниками, и не дал Хуянь Ту получить ни малейшего преимущества.

Когда весть о победе достигла Цзиньлина, весь двор вновь был потрясён успехом Су Яня. На этот раз Сяо Цичэнь и впрямь не удержался на ногах — он неловко опустился на пол и тяжело выдохнул.

Те, кто ещё вчера требовал сместить Су Яня и сослать на остров Ичжоу, в одночасье стали похожи на немых: выстроились в ряд и молчали, сожалея о каждой сказанной ранее опрометчивой речи.

Сяо Янь окинул зал взглядом, мысленно закатив глаза, и сказал Сяо Цичэню: «Поднимайся. Сидеть на полу — не по чину».

<http://bllate.org/book/15940/1425198>